

интеллектуально не преодоленного постмодерна [4, с. 76–77] как *исторического* и, что важнее, *историографического* феномена. Постструктуралистская рефлексия постмодерна настоятельно требует теоретической и методологической *историзации* постмодерна в поле современной истории историографии, поскольку, блуждая в эпистемологических лабиринтах многочисленных интеллектуальных «поворотов», историческая наука нуждается в путеводной нити Ариадны, которая приведет ее к началу погружения в непроходимые дебри постмодерна – «ко входу» в симультанное, контингентное и гносеологически неопределенное пространство постмодернистских игр и головоломок, когда внешнее пространство «у порога» было верхом научности и строгости внелабиринтной ученой жизни. Этого также требует и стратегия ренарративизации. Нарративная парадигма была активно деконструирована постмодерном и в известном смысле в результате испытала «исход» из прежде благополучно «пребывающего» состояния объективности и истинности научно-исторических знаний, добытых единственно верным позитивистским научным мировоззрением. Пришла пора постпостмодерна и возвращения к незыблемым и прозрачным гранд-нарративам, но уже имея в своем багаже возвышенный исторический опыт исхождения в постмодернистский лабиринт.

1. Антощенко, А. В. О научной школе источниковедения: иной взгляд / А. В. Антощенко // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. – 2023. – Том 45, № 2. – С. 69–75.
2. Гонтар, М. Постмодернизм во Франции: определение, критерии, периодизация [Электронный ресурс] / М. Гонтар. – Режим доступа: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-franciya/gontar-postmodernizm-vo-francii.htm>. – Дата обращения: 12.03.2022.
3. Дискуссии. Источниковедение в актуальной исторической культуре // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. – 2023. – Том 45, № 2. – С. 55–105.
4. Каменев, Е. В. Постижение прошлого в контексте современной исторической культуры / Е. В. Каменев // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. – 2023. – Том 45, № 2. – С. 76–82.
5. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – М.: Ин – т экспериментальной социологии; СПб.: АЛТЕЙЯ, 1998. – 59 с.
6. Луман, Н. Общество как социальная система / Н. Луман. – М.: Логос, 2004. – 232 с.
7. Марков, Б. В. Понятие политического / Б. В. Марков. – М.: РОССПЭН, 2007. – 144 с.
8. Медушевская, О. М. Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 2008. – 358 с.
9. Нечкина, М. В. К итогам дискуссии о периодизации истории советской исторической науки / М. В. Нечкина // История СССР. – 1962. – №2. – С. 57–78.
10. Румянцева, М. Ф. Источниковедение в структуре актуальной исторической культуры: приглашение к дискуссии / М. Ф. Румянцева. // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. – 2023. – Том 45, № 2. – С. 55–62.
11. Румянцева, М. Ф. Феноменологическая концепция источниковедения в интерпретации Ольги Михайловны Медушевской [Электронный ресурс] / М. Ф. Румянцева. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologicheskaya-kontseptsiya-stochnikovedeniya-v-interpretatsii-olgi-mihaylovny-medushevskoy-1>. – Дата доступа: 12.03.2022.
12. Стёпин, В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения / В. С. Стёпин. // Постнеклассика: философия, наука, культура. – СПб.: Мирь, 2009. – С. 249–295.
13. Тюпа, В. И. Ю. М. Лотман и современная нарратология / В. И. Тюпа // Текст: непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 55–62.
14. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2001. – С. 7–33.

Злобин С.С.

ПОСТКОЛОНИАЛЬНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ И НАРРАТИВ О КОЛОНИАЛИЗМЕ

В данном материале историографический анализ глобального нарратива истории представлен попыткой применить постколониальную методологию к популярному сегодня нарративу о колониализме. Постколониализм – междисциплинарное направление, берущее свое начало с выходом книги Э. Саида «Ориентализм» в 1979 г. Постколониализм говорит, что главная стратегия реализации колониальной власти – конструирование колонизатором колонизированного как своего Другого посредством приписывания колонизированному какой-либо целостной сути.

Цель данного материала: показать при помощи постколониальной методологии, какую суть колонизатор определял для колонизированного в том или ином регионе.

В качестве одного из таких регионов можно выделить Индию. Колониализм сыграл огромную роль в истории Индии. Какую же суть приписал колониализм Индии? Постколониализм указывает, что наши самые естественные представления предопределены колониализмом, поэтому для ответа про суть следует подумать о том, что в первую очередь возникает при упоминании слова «Индия». Богатый, запутанный мир, цветные сари, пышная история, раджи, йоги, боевые слоны, гхаты, удивительный мир индуизма, неповторимое отношение к миру и человеку, особая философия, литература, поэзия. Все это говорит о том, что Индия – это богатая цивилизация. Цивилизация – не уничижительный термин, но вся проблема и состоит в том, что именно при помощи этого понятия колонизатор оставил за собой лучший мир, а Индии – ее цивилизационные особенности.

Описание Индии как цивилизации часто повторяется сегодня. Премьер-министр Н. Моди не раз подчеркивает необходимость единства, целостности. Например, в программе «Mann ki Batt» на

Всеиндийском радио, состоявшейся 24 ноября 2017 г. и приуроченной к Дню Конституции 26 ноября, Н. Моди отмечал, что индийская *цивилизация*, культура, языки проповедуют послание единства в многообразии всему миру [5]. В феврале 2017 г. Н. Моди, выступая в штате Керала на событии, посвященном знаменитому индийскому проповеднику XIX в. Рамакришне, говорил о людях, которые стараются разделить индийское общество на основе касты и религии, но индийская *цивилизация* всегда преодолет эти вызовы. Ложное восприятие было создано об Индии, что она нуждается в социальной, экономической и политической реформе, инициированной посторонними. Но почва Индии – это почва, откуда изменение всегда происходило. Святые, в том числе и Рамакришна, использовали музыку, поэзию и локальные языки, чтобы принести Бога ближе людям, и они ломали барьеры касты, класса, религии и гендера [1].

Колониализм сделал понятие цивилизации сутью Индии.

Регионом, испытывавшем не менее тяжелое влияние колониализма, является Африка. Какая же суть приписывалась колонизатором Африке? Здесь снова стоит обратиться к самым первым представлениям, которые возникают при упоминании об Африке.

Африка – это племена, вожди, первобытные бушмены, каменный век, это самые примитивные общественно-политические структуры, самое примитивное хозяйство. Африка – это практически полная невозможность адекватного функционирования экономики. Любые реформы проваливаются, только начавшись, национальные валюты просто не могут существовать, моментально съедаемые инфляцией. Африка – это недействующая система здравоохранения, неграмотность, самые страшные болезни. Это голод, коррупция, самые жестокие диктаторы XX века. Африка – это многомного конфликтов. Вторая конголезская война – самая кровопролитная война со времен Второй мировой. Перевороты, которые вроде бы ушли, сейчас снова возвращаются в политическую жизнь. Такова африканская сущность. Африка – это пустота.

Этой пустоты касается постколониальный автор Ашиль Мбембе, когда говорит о наполненности пространства Африки особыми организмами, которые он, вслед за постмодернистскими авторами Ж. Делезом и Ф. Гваттари, обозначает как военные машины [3, р. 32]. Военные машины предопределяют, как жить в Африке, как работать и умирать, они – следствие некро-власти, власти, основанной на праве убить, на праве создавать особые миры смерти. Власть, которая разделяет на тех, у кого есть оружие и у кого его нет, и генеалогия которой и сама ее суть неотъемлемы от понятия колониализма [3, р. 22–23, р. 34, р. 40]. Так и есть – Африка всегда была наполнена различными военными группировками. Идеология этих группировок может меняться. Но сути это не меняет. Африка – это пустота, где ничего, кроме неудач, родиться не может.

Для Африки колониализм создал понятие пустоты как ее сути.

Очень актуальным сегодня является изучение колониального отношения к мусульманскому миру. Какую суть мусульманскому миру приписал колониализм? Ответ очевиден. Он в названии мусульманского мира. Ислам. Для стран мусульманского большинства колониализм представляет стратегию постоянного выпячивания этой особой черты. Обычаи, политика, будущее неизбежно связаны с исламом, отсылают к нему. Ислам очень реален, даже тактилен, он и религия, и больше, чем религия. Он – идентификация.

Ислам занимает огромное место в политической жизни мусульманского мира. Везде есть исламские партии, проповедующие необходимость законодательного закрепления правильного образа жизни и правильного построения общества. Широкие религиозные общественные течения, как, например, в Пакистане, постоянно довлеют над любым значимым политическим решением властей. К сожалению, ислам служит идеологической основой многих террористических групп. В общественной жизни ислам неизбежен. Соблюдается время молитвы, – даже магазины закрываются на это время, – религиозные праздники играют большую роль, новостные выпуски начинаются со слов во славу Аллаха, разделение повседневной жизни мужчины и женщины определено чувствуется на улице, женщины носят особую одежду. В личном пространстве человека ислам также значителен. В арабском языке, других языках, персидском, урду, религиозные выражения присутствуют в достаточном количестве при поздравлении с каким-либо радостным событием, при сочувствии, просто во фразах наподобие «Дай Бог!» (Иншааллах!). Персональные имена связаны в прямом смысле с религией. Например, Абдулла переводится как раб Бога.

Конечно же, религия занимает свое место и в жизни других регионов, и даже в жизни региона-колонизатора, Европы, но там она играет просто роль, а в мусульманском регионе она представляет его суть, широким фронтом затрагивая политику, общество, культуру, историю и личную жизнь. Религия в Египте – это не то, что религия в Германии.

Для мусульманского мира в качестве его сути колониализм создал акцент на религии.

Колониализм осуществляла также и Испания. Это регион Латинской Америки. И здесь осталась своя особая колониальная травма. Какую же суть колониализм приписал Латинской Америке? Описание современности и истории Латинской Америке содержит много такого, что не идет в противоречие с описанием жизни и проблем Европы и США. В Индии на первый план выходит цивилизационное богатство, в Африке поражает пустота, ислам оккупировал социокультурное пространство мусульманского мира, а в Латинской Америке активно обсуждаются политические и экономические проблемы, существует актуальная рефлексия по поводу самых современных вопросов, о гендерном, расовом равенстве, о правах рабочих, о женщинах, абортах и статусе сексуальных меньшинств. В Латинской Америке созданы замечательный кинематограф, разнообразная и, даже можно сказать, самая лучшая литература в мире. Габриэль Гарсия Маркес и Хорхе Луис Борхес – конечно же, не метечковые авторы.

Однако чего-то Латинской Америке не хватает. Не зря многие латиноамериканские авторы, занимаются исследованиями подобными на постколониальные, особенно В. Миньоло [4] или Э. Дусель [2]. Колониализм как то, что предопределило судьбу континента, не редко оказывается в фокусе внимания. И происходит это потому, что Латинская Америка все же чувствует себя в этом мире не такой, как некий кто-то более большой: колонизатор, Европа, США. Латинская Америка – это все же Другой, и у него тоже есть своя суть. Эту суть можно описать формулой «*такие же, как мы. Но не совсем*». Точка в этой фразе обозначает большую приближенность Латинской Америке к Первому миру, практически слитность с ним. Однако что-то, – и это что-то связано с колониальным прошлым, – не позволяет окончательно слиться двум мирам.

В Латинской Америке были диктаторы, и очень жестокие. Пиночет, Трухильо, Видела. В Латинской Америке экономика находится в печальном состоянии. Высокая инфляция, безработица, в Аргентине были дефолты уже в XXI веке, и экономического коллапса в этой стране можно ожидать снова. Если проводятся успешные экономические реформы, они не с лучшей стороны сказываются на мало защищенных слоях населения. В Латинской Америке присутствует бедность. Производство наркотиков, наркотрафик, высокая преступность. Можно сказать, что Латинская Америка все же не такая, как передовой мир. Конечно же, разрыв между передовым миром и миром Латинской Америки не столь глубок, как в случае Индии и особенно Африки, но он все же присутствует.

Формула «*такие же, как мы. Но не совсем*» очень подходит для описания сути Латинской Америки, которая была сконструирована ей колониализмом.

Следующий регион является, наверное, наиболее трудным для определения его сути как следствия действия колониальной власти. Китай, Япония, Корея. Условно данный регион можно назвать Восточной Азией. Сложность региона Восточной Азии в том, что он пережил фашизм, радикальные эксперименты коммунизма, резкое развитие капитализма в Японии и Южной Корее. Все это значительно затемняет колониализм.

Большую роль в регионе играет экономика. В этом плане Восточная Азия не только органичная, но даже передовая часть передового мира. Большие производственные мощности, судоверфи, автогиганты, электроника, высокие технологии, активно действующие финансовые биржи. Успешные реформы Дэн Сяопина и Пак Чон Хи. Общество развивается также по высоким современным стандартам. Особенности Северной Кореи опять-таки связаны с ее коммунистическим строем, а не с колониализмом. Роль в жизни государства и общества такого традиционно электризованного для Азии элемента, как религия, не больше, чем в Европе. Т.е. если указывать на особенности региона Восточной Азии, стоит говорить о коммунизме и капитализме, а не о колониализме.

Однако это не совсем так. Старательность, почитание старших, дисциплина. Эти факторы часто отмечаются как содействовавшие успешному экономическому развитию стран региона. Поезда, набитые людьми, спешащими в офисы, то, как сотрудники часами задерживаются на рабочем месте. Сильно вертикальная, даже можно сказать авторитарная структура крупных компаний. Это особенности, которые называются в первую очередь в отношении Японии, Южной Кореи, а не Европы. И эти особенности сложно связать с капитализмом или коммунизмом. Их надо связывать с особенностями региона. Сюда же можно отнести и любование сакурой, особую поэзию, в конце концов, особое письмо, которое не встречается нигде более в мире. Такие особенности очень сложно собрать в один термин и тем более соотнести его с колониализмом. Таким термином может быть собственно термин «Азия». Китай, Япония, Корея – это Азия. Излишне трудолюбивые сотрудники в японской корпорации, – такие уж они есть, люди из Азии. Указание на то, что Япония или Китай – это Азия, может быть не только положительными. Например, излишняя жестокость якудза или триад.

Применяя постколониальную методологию к конструированию нарратива о колониализме, можно сказать, что колониализм создал для Индии понятие цивилизации как ее суть, пустоты – для Африки, формулу «такие же, как мы. Но не совсем» для Латинской Америки, понятие «Азия» – для Восточной Азии.

1. Indian civilisation stands tall overcoming obstacles: PM Narendra Modi [Electronic resource] / The Economic Times. – 2017. – 21 feb. – Mode of access: https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/indian-civilisation-stands-tall-overcoming-obstacles-pm-narendra-modi/articleshow/57275684.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst. – Date of access: 26.04.2022.
2. La descolonización cultural - Enrique Dussel [Grabación de video] [Recurso electrónico] // YouTube. – Modo de acceso: https://www.youtube.com/watch?v=Q86_LPat-IQ. – Fecha de acceso: 21.05.2020.
3. Mbembe, A. Necropolitics / A. Mbembe // Publ. Culture. – 2003. – Vol. 15, № 1. – P. 11–40.
4. Mignolo, W. Local histories/global designs: coloniality, subaltern knowledges, and border thinking / W. Mignolo. – Princeton : Princeton Univ. Press, 2012. – XXXV, 371 p.
5. Modi, N. Our civilization, culture and languages convey the message of unity in diversity to the whole world: PM Modi during Mann Ki Baat [Electronic resource] / N. Modi // Narendra Modi : Web-site. – 24.11.2019. – Mode of access: <https://www.narendramodi.in/prime-minister-narendra-modi-s-mann-ki-baat-with-the-nation-november-2019-547396>. – Date of access: 26.04.2022.

Семёнова И.И.

ДИСКУССИЯ Ф.Э. ХАРДУНГА И К. КОППМАННА О НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ГАНЗЕЙСКОЙ ТОРГОВЛИ В БРЮГГЕ: АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Ганзейский союз – это объединение немецких купцов из различных европейских городов, которое, в первую очередь, имело торгово-экономические цели, а его функционирование регламентировалось едиными правилами [8, s. 10]. Процесс формирования Ганзы до сих пор остается дискуссионной темой в историческом сообществе [9, p. 15–17; 6, s. XI–XIX]. Исключением не является и начальный этап ганзейской торговли в Брюгге: начиная со второй половины XIX столетия ведутся различные научные споры. К примеру, в 70-е годы XIX в. возникла дискуссия между К. Коппманном и Ф.Э. Хардунгом о специфике возникновения торговой деятельности в Брюгге. В связи с чем представляется весьма интересным проанализировать источниковую базу данных исследователей, что и является целью настоящей работы.

Однако, прежде чем непосредственно переходить к рассмотрению взглядов вышеназванных исследователей на ганзейскую торговую деятельность в Брюгге, стоит отметить, что точки зрения К. Коппманна и Ф.Э. Хардунга разнились и в иных вопросах. Так, например, предметом их обсуждения стало образование Ганзейского союза. По мнению Ф.Э. Хардунга, именно в Висбю сформировалось самое важное начальное ядро Ганзы: на Готланде купцы из крупных городов Северной Германии объединялись сначала в мелкие организации с корпоративной сплоченностью, а затем и в один большой купеческий союз [10, s. 301–304]. Затем, с привлечением все новых городов, объединение купцов Готланда (*gotländischen Genossenschaft*) для удобства перенесло свой центр из Висбю в Любек [10, s. 305]. Интересен тот факт, что исследователь не привел ни одного документального подтверждения для изложенного, в связи с чем остается только предполагать, на чем основывалась его гипотеза. Однако стоит признать, что рациональное зерно в словах Ф.Э. Хардунга есть, поскольку готландские купцы в действительности считались одной из самых активных торговых групп в Балтийском регионе [12, s. 30–31]: они первыми появились в таких городах как Новгород, Лондон и иных [18, s. 458–460]. Тем не менее, ни о какой выдающейся роли Висбю в ганзейской торговле говорить не приходится; объединение Ганзы происходило не вокруг деятельности готландских купцов [18, s. 457].

К. Коппманн же в своих работах сравнивал существующие на тот момент точки зрения о факторах, которые привели к созданию Ганзейского союза городов [13; 14]. В ходе анализа он объединил позиции Г. Сарториуса и И.М. Лаппенберга по данному вопросу [13, s. 77], основанные на корпусе источников из крупных городских архивов Гамбурга, Кёльна, Любека и Бремена [7, s. 131], и пришел к выводу, что ни о какой преобладающей роли Готланда в образовании Ганзейского союза не может идти и речи. В качестве подтверждения своих слов он сослался на документ 1251 года из собрания любекских актов (*Lübeckisches Urkundenbuch*) [4, № 170], в котором имеются сведения о восстановлении мира с любекцами, а также о предоставлении им значительных свобод шведским герцогом Биргером (*Jarl Birger*) [17, s. 157]. Именно после середины XIII в. можно говорить о доминировании Любека в Балтийском регионе [11, s. 181].

Иным аспектом, в котором у Ф.Э. Хардунга и К.Коппманна возникли противоречия, является посольство 1252 года во Фландрию для заключения важного торгового договора. К. Коппманн считал, что представительство в лице ратмана города Любека Германа Хойера (*Hermann Hoyer*) и нотариуса